

Вероника Ливанова

А ТЕ, КОТОРЫЕ НЕСЧАСТНЫ

Вероника Ливанова

А те, которые несчастны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22806173

Аннотация

Башня – это не ад. Башня – это не сон. Она не у меня в голове. Но на Земле вы ее не найдете. Я – не первая ее пленница. Нас не похищали, мы не умирали перед тем, как оказаться здесь. Мы просто появляемся: кто заснул дома, а проснулся внутри ее равнодушных стен; кто вышел из вагона метро вместе с десятком человек – они попали на платформу, а он – нет; кто шагнул в уютную темноту спальни, а очутился в совсем другой темноте – той, которая растет только в Башне, – она умеет улыбаться и обещать, но слишком голодна, чтобы вечно прятать зубы. Из Башни можно выбраться. Я верю – выход есть. Надо идти. С этажа на этаж. С лестницы на лестницу. Ступенька за ступенькой.

Содержание

А те, которые несчастны	4
I. Ариадна	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

А те, которые несчастны

Башня – это не ад.

Башня – это не сон.

Она не у меня в голове. Но на Земле вы ее не найдете.

Я – не первая ее пленница. Нас не похищали, мы не умирали перед тем, как оказаться здесь. Мы просто появляемся: кто заснул дома, а проснулся внутри ее равнодушных стен; кто вышел из вагона метро вместе с десятком человек – они попали на платформу, а он – нет; кто шагнул в уютную темноту спальни, а очутился в совсем другой темноте – той, которая растет только в Башне, – она умеет улыбаться и обещать, но слишком голодна, чтобы вечно прятать зубы.

Башня – это глаза, следящие за тобой повсюду.

Башня – это коридоры: узкие и извилистые – по таким в Старой Европе любила гулять чума; прямые и широкие – как современные автострады. Это тупики и перекрестки, это лестницы, это комнаты, целые мегаполисы из одинаковых дверей в стенах – за ними может скрываться что угодно – от соломенной хижины до готического собора.

Башня – это кошмары. В стенах живут голоса потерянных людей, а тьма в заброшенных комнатах не сбегает от самого яркого света. Воздух убивает. Вода убивает. Чудовища убивают. Люди делают то же самое, с не меньшей жестокостью.

Башня – это Правила. Первое из них: соблюдай остальные,

иначе – пеняй на себя.

Из Башни можно выбраться. Я верю – выход есть.

Надо идти. С этажа на этаж. С лестницы на лестницу.

Ступенька за ступенькой.

I. Ариадна

Лезвие так глубоко вошло в дерево, что пришлось упереться в стену ногой, чтобы его выдернуть. Второй удар обрушился на наличник замка – звякнув, топор отскочил, на металле появилась глубокая царапина.

Этаж был мертвым – и давно. Звук моих шагов эхом разносился по пустым коридорам, подошвы оставляли четкие отпечатки в плотной серой пыли. Еще этот запах. Сразу понимаешь, что этаж мертв, когда слышишь его – неподвижный, затхлый, прокисший – как в комнате, где не проветривали годами, но курили не переставая.

Дверь неохотно поддавалась. Сквозь рубленую рану над замком сочился розовый свет. Я удвоила усилия – эхо повторяло стук топора снова и снова – казалось, рядом трудится целая бригада дровосеков.

Там баррикада – наверняка. Надеюсь, хозяин комнаты сделал половину работы за меня – большинство из них разбирают укрепления, когда жажда становится сильнее ужаса перед тем, что ждет снаружи.

Одно из Правил – не ночуй в коридоре. До темноты всего ничего.

Но дверь открылась. Заминка была в самом начале, пришлось потрудиться, отодвигая что-то тяжелое, – наверняка комод – противно скрипнув, он проехался по паркету, но в

получившуюся щель я вполне могла пролезть.

Лишь бы не Библиотека. Не снова – иначе выспаться мне не светит. Буду всю ночь дремать вполглаза среди бесконечных полок, слушая, как головы на них перешептываются, и замирать в ужасе от каждого звука, похожего на шаги, – не Смотритель ли это.

Я сунула топор за боковую стяжку рюкзака, перелезла через комод и задвинула им дверь.

Комната как комната. Обои цвета яичной скорлупы, деревянный паркет. На редкость уродливый женский портрет на стене. Камин слева полон золы и белесого бумажного пепла. В высоких, разделенных на равные квадраты, окнах – лиловое с розовым небо и облака. Солнца, как обычно, не видно. У двери остатки баррикады: обшарпанный сундук, древний пузатый телевизор, диван и пара кресел с гнутыми ножками. Фортепиано. Не знаю почему, но в заброшках всегда так – ни один музыкальный инструмент не бывает целым. Может, конечно, хозяин этой – его кости лежали на диване – и развлекался тем, что выламывал клавиши и резал струны – они торчали из открытой крышки спутанным пучком медных волос. Он сидел здесь неделями, месяцами, обреченный на голодную смерть, что ему оставалось, кроме как сойти с ума? Но как быть с теми комнатами, откуда люди ушли, ничего перед тем не ломая? Гитары и скрипки с расколотыми грифами, треснутые флейты и проржавевшие насквозь саксофоны, струны, везде, где есть, порваны, и так далее. Каза-

лось, тут действует некий закон природы, запрещающий музыке играть в брошенных помещениях – самым радикальным способом.

Хозяин переместился в ящик комода – на диване я планировала спать – перевернув, предварительно, матрас. Кресла ушли на растопку. Я выгребла пепел, сложила шалаш из щепок и подожгла. Когда камин разгорелся, поставила на огонь банку тушенки.

Телевизор работал – пока еда грелась, я отыскивала розетку – но показывал белый шум. А ведь когда-то по нему шли передачи, иначе зачем он тут? На Фабрике, где я провела первые несколько лет в Башне, телевизоров не было. Радио я слышала на других этажах – там, где ставили самодельные вышки, звучала человеческая речь, а где подключались к точкам в стенах – одна музыка, тягучая и монотонная, как звон колокола, подвешенного в бассейне с желе, и всегда без слов.

Пужинав, я достала из рюкзака бутылку с водой. Сделала осторожный, выверенный глоток. Эта вода последняя. На мертвых этажах пополнить запасы практически нереально, и кто знает, сколько таких впереди.

В стене напротив камина – поверх нарисованного на портрете рта – открылся глазок. Индикатор был желтым, но времени мало. Я вытащила из клапана треугольный осколок зеркала. Смочила платок драгоценной водой – порция перед сном отменяется – и спешно умылась. Расчесала волосы. На-

шла уголек в куче пепла на полу и подвела глаза. Растерла щеки – так они не кажутся сильно бледными. Правило второе: будь привлекательным. Вдвойне, если Они смотрят. Я встала.

Третье Правило – не молчи. Глазок загорелся зеленым.

– Анастасия Беспалова, двадцать пять лет, жилищный комплекс Фабрика. – Глазок тревожно замигал. – Ариадна, – поправила я. Ненавижу это прозвище. По нити, которую я оставляю за собой, идет вовсе не Тесей, способный вырваться из Лабиринта. Или из Башни. – Двести сорок второй день с тех пор, как я покинула Фабрику. – Улыбайся, будто подсказал кто-то. – Вчера ночевала в Библиотеке. Они меня преследуют – та была седьмой за месяц. Книги я, что ли, просрочила? – Попытка пошутить вышла неловкой. – Этот этаж пуст. Как три перед ним. Воды почти не осталось, еды чуть больше, но мертвому она без надобности, верно? – Они не любят, когда жалуются. Глазок, соглашаясь, потускнел. – Зато неделю перед этим гостила в Монастыре. – Изображать радость не потребовалось – воспоминания о тех днях будут долго греть меня в пути. – Там живут хорошие люди – у них всего один источник на этаж, но они делятся поровну – представляете, какая грызня началась бы на Электростанции? А на Пустоши? Где за глоток из тухлой лужи убить готовы? В Монастыре пекут хлеб – давно я такой не пробовала – белый, с коричневой корочкой, если подержать ее на языке, не разжевывая, становится еще вкуснее. – Рот наполнился слюной,

я поспешила сменить тему. – Там вас считают богами. Молятся вам. Думают, если быть откровенными на исповеди, вы исполните их просьбы. Вы исполняете? Все их молитвы о воде – так что вряд ли.

Не хами.

– Меня они не боялись. Может, не поверили. Или им достаточно своих страхов. Прыгун – так они его называют. Я слышала – каждую ночь – пружинистые шаги – тук-тук-тук – как мяч скачет по коридору. И дыхание – свистящее, тонкое, будто воздух выходит из резиновой куклы. – Что еще? – Я пойду вниз: монахи предупреждали, дальше Лепрозорий, и я сойду, если скажу, что совсем не боюсь, но делать нечего. В Лепрозории есть Лифт. Или был. Или это сказки – надо проверить.

Если впереди хотя бы три-четыре мертвых этажа, Лепрозория мне не видать. Вода нужна позарез.

– Он идет за мной. – Заинтересуй, добавь интриги, заставь переживать за себя, и, может, завтра тебя ждет целая цистерна. Такое бывало не раз. – Прыгун, Жонглер, Кукольник, Плакса – на этажах всегда придумывают имена чудовищам. Моего зовут Крысиный Король. Я чувствую его – слишком близко – порой волосы на затылке шевелятся, по спине бегут мурашки. Наверное, в те моменты он становится на след – вытягивает мой запах семью носами на семи головах. Рано или поздно он меня догонит, какой бы быстрой я не была. – Покажи храбрость. Им нравятся отважные. – Пусть приходит. –

Я достала топор и крутанула им в воздухе. Закат сверкнул свежей кровью на лезвии. — Я готова, — соврала я. — И нашу встречу он не переживет. Глазок, ослепительно сверкнув напоследок, погас.

Я еще долго стояла напротив портрета, с топором в опущенной руке. Может, я и выторговала воды, но что отдам взамен? С Них станется устроить мне встречу с Крысиным Королем — да хоть в эту же минуту. Раз я «готова». Я села на диван, положила топор на колени и вытерла вспотевшие ладони о штанины. Хотелось разрыдаться — здесь, в темной, пустой, пропахшей кислым забвением комнате, — от одиночества, от бессилия, от жалости к себе, от страха; хотелось свернуться калачиком на провонявшем безумием диване и сдаться — сразу всем врагам — Им, Крысиному Королю, жажде, голоду, Башне, ее бессчетным лестницам, которые, я была уверена в ту минуту, никогда не выведут на свободу. Да, пусть приходит. Пусть убьет меня, и дело с концом. Как я устала. Невыносимо. Я чувствовала — физически — как растет во мне отчаянье — будто дурная ползучая трава заполняет тело изнутри — из центра груди к сердцу, рукам, мозгу — вытесняя другие чувства, ломая рассудок, подчиняя себе целиком. Показалось, я слышу пение — двести сорок два дня назад оно сплеталось с криками людей на Фабрике, когда Крысиный Король вышел на жатву. Но, разумеется, показалось.

Топор я не убрала. Лежала с закрытыми — и сухими — глазами и думала о Библиотеках. Не зря они так часто попада-

ются. Порой Они давали подсказки, если ты Им нравишься. Порой просто мучили. Что на этот раз? Достойна Ариадна помощи или давно надоела ее безликим зрителям? Стоит однажды прислушаться к бормотанию – как не хотелось бы забыть, что ряды человеческих голов на полках в принципе существуют.

Мне снились липкие, как паутина, сны – ряды дверей и мертвецы за ними, играющие на сломанных инструментах – сорванные струны скребли о грифы, флейты сипели, смычки елозили по пустым ладам, вместе получалась отвратительная скрипучая какофония, но я знала, *какую*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.